

Калиниченко Лариса Анатольевна

МИФОПОЭТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ З. ПРИЛЕПИНА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ "ЧЕРНАЯ ОБЕЗЬЯНА" И "ПАТОЛОГИИ")

В данной статье, посвященной мифопоэтике произведений З. Прилепина, рассматриваются художественные особенности его романов "Черная обезьяна" и "Патологии" с точки зрения использования в них мифологических сюжетов и образов. Анализируется философская составляющая размышлений автора о природе и сущности человеческой жестокости, о причинах деградации общества на духовном уровне и факторах, позволяющих не просто существовать негативным явлениям, но и развиваться с поразительной быстротой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 83-86. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.16

Филологические науки

В данной статье, посвященной мифопоэтике произведений З. Прилепина, рассматриваются художественные особенности его романов «Черная обезьяна» и «Патологии» с точки зрения использования в них мифологических сюжетов и образов. Анализируется философская составляющая размышлений автора о природе и сущности человеческой жестокости, о причинах деградации общества на духовном уровне и факторах, позволяющих не просто существовать негативным явлениям, но и развиваться с поразительной быстротой.

Ключевые слова и фразы: мифопоэтика; миф; мифологический сюжет; мифологический образ; мифологический мотив.

Калиниченко Лариса Анатольевна

Тюменский государственный университет (филиал) в г. Ишиме
rfkbybxyrj62@yandex.ru

**МИФОПОЭТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ З. ПРИЛЕПИНА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ «ЧЕРНАЯ ОБЕЗЬЯНА» И «ПАТОЛОГИИ»)[©]**

*«Будущее будут определять люди, которые сами сочиняют себе речи».
«Вы замечали, что читающий (то есть сложно мыслящий и сложно рефлексирующий) человек элементарно более красив?».
«То, что с нами происходит сегодня, – безусловно, отрицательная селекция».
«Вы скажете: а в XV веке наверняка не читало 98% населения. Да. Но тогда 99 из 100 русских людей
знали на память 100 песен, 100 поговорок, 100 сказов – они изначально и неотторжимо
жили в мифо-поэтическом пространстве, а не в Сети».*

Захар Прилепин [4]

Захар Прилепин, настоящее имя которого – Евгений Николаевич Прилепин, является на сегодняшний день одним из самых известных современных прозаиков в России. Создав три романа, два сборника рассказов, цикл повестей и некоторые литературоведческие и критические работы, Захар Прилепин становился неоднократно финалистом и лауреатом различных литературных премий, в числе которых «Национальный бестселлер» и «Русский Букер».

Яркий творческий взлет Захара Прилепина не был обойден критиками и неоднократно освещался в исследовательских статьях. Произведения Прилепина рассматривались в статьях и рецензиях ведущих российских литературных критиков, но нужно отметить, что серьезных комплексных исследований, охватывающих творчество писателя начиная с 2004 г. и по 2015 год, еще не было издано на сегодняшний день.

Творческий метод, поэтика, жанровая и образная система отдельных книг и произведений Захара Прилепина рассматривались в статье Е. Г. Местергази «Жанровое своеобразие романа Захара Прилепина “Грех”»; в статье О. С. Сухих «Очень своевременные книги»; а также в статьях А. А. Юферовой «Проблема жанрового определения книги Захара Прилепина “Грех”» и «Мотив качелей в прозе З. Прилепина». Интересны также обзорные статьи А. Ю. Большаковой, посвященные в целом российской литературной ситуации в конце XX – начале XXI века.

Можно отметить статьи, опубликованные Павлом Басинским, а также Львом Данилкиным и Дмитрием Лисиным; кроме того, статьи Валерией Пустовой и Романом Сенчиным о традиции интеллигентского самосознания в России. Большое количество публикаций по творчеству Захара Прилепина свидетельствует о несомненном интересе к его творчеству.

Роман «Патологии» анализировался также в исследованиях Н. С. Выговской и Д. В. Аристова, но комплексно вопрос мифопоэтики произведений З. Прилепина «Черная обезьяна» и «Патологии» не рассматривался, что обусловило актуальность статьи.

Цель данной статьи: рассмотреть мифопоэтику произведений З. Прилепина на примере художественных особенностей его романов «Черная обезьяна» и «Патологии».

Основными задачами в статье являются анализ использования З. Прилепиным мифологических сюжетов и образов в романах «Черная обезьяна» и «Патологии» и осмысление мифопоэтического пространства произведений Прилепина как философской составляющей в размышлениях автора о природе человеческой жестокости и духовной деградации современного общества.

Большинство произведений З. Прилепина имеют реалистическую направленность, но это не помешало автору вложить максимум поэтичности в стиль изложения. Несомненно, отмечается практически всеми исследователями творчества этого писателя мастерство автора в использовании художественных средств, в особенности ярко выделяются в его прозе метафоры. Мифопоэтику романов З. Прилепина «Черная обезьяна» и «Патологии» необходимо рассматривать с точки зрения философской трактовки описываемых автором событий, так как именно метафорические образы помогают четче обрисовать подтекст произведения.

Мифопоэтика в современном литературоведении рассматривается как раздел поэтики, который изучает мифологические образы и структуры в художественных произведениях определённых авторов, это своеобразная проекция мифа или отдельного мифологического сюжета, образов, мотивов на произведение в целом. Кроме того, мифопоэтикой называют метод литературоведческого анализа, направленный на изучение проявления этого явления в конкретных произведениях.

Методологию мифопоэтики обосновывают на изучении эпических текстов, раскрывающих миф в своём содержании, архетипического и символического как в самом произведении, так и в его основных составляющих: в композиции, в сюжете и в образах произведения.

Следовательно, мифопоэтикой будем считать ту часть поэтики, в которой исследуются не отдельные мифологемы, приведённые автором, а в целом та мифопоэтическая модель восприятия мира, которая реализована автором в системе различных поэтических категорий и выступает в мифе как единое событие, персонаж или текст.

Язык произведений Захара Прилепина узнаваем: авторский стиль, широкое использование символов и метафор – всё это подчёркивает, что созданные талантом писателя произведения – не просто сборник воспоминаний, а искусство слова.

Мифопоэтика произведений Прилепина ярко выражена уже в его произведении о чеченской войне: в его романе «Патологии» герои – вчерашние мальчишки, – попав в ад военных действий, становятся рьяно верующими в то, что их телесная оболочка – всего лишь временное пристанище души. Так библейский мифологизм помогает воспринять внутреннее состояние мужчин, воинов, которые, в сущности, всего лишь дети. И детство – это как земля, как островок, на котором можно укрыться от творящихся вокруг ужасов.

Так, главный герой «Патологии» Егор Ташевский бежит от жутких событий войны в мир своего детства: «...я внезапно понимаю, что у меня атрофированы все органы, что мой рассудок сейчас двинется и покатится, чертыхаясь, *назад, к детству*, счастливый и дурашливый» [5, с. 88-89]; «Ползут, как колорадские жуки...» – думаю я, в голове *мелькает детская картинка*: какая-то сельская дорога, конец августа, и колорадские жуки, и мои *детские ноги* в красных сандалиях...» [Там же, с. 258-259]. Душа героя путешествует в прошлое, в отличие от тела, обязанного быть здесь – на войне. Однако удерживает в этом аду именно древний мифологизм – какое-то первобытное язычество сквозит в их мыслях и поступках: они задумываются о кличках типа Скворец, Конь, Язва, Плохиш, Шея и Андрей Конь. Эти языческие имена непосредственно ведут к старинным обрядам – пляскам вокруг костра – солдаты отмечают первую кровь. Образы детства и чистоты сменяются мифологическими картинками, отчасти напоминающими ритуалы каннибалов. Это страшно – откуда в невинных созданиях возникают повадки зверя?

Если обратиться к дебютному роману Захара Прилепина «Патологии» и рассмотреть его параллельно с произведением «Черная обезьяна», на поверку выйдут яркие черты использования автором мифопоэтики для философского отображения действительности, в частности, для объяснения детской и подростковой жестокости, которая определяет впоследствии взрослую жизнь человека. Пытаясь объяснить в «Патологии» звериную жестокость людей и причины её возникновения, Прилепин в «Черной обезьяне» обращается непосредственно к мифу – откуда же появляются такие вот бездушные создания, способные убивать и не только не испытывать при этом никаких угрызений совести, но даже получать наслаждение от издевательства над другими?

Итак, чтобы объяснить причины человеческой жестокости, в вышедшем в 2011 году романе «Черная обезьяна» Прилепин напрямую прибегает к использованию мифологического компонента. Эта оторванная от общего содержания сюжетная линия о детях-убийцах дает возможность представить философскую направленность основного реалистичного плана романа.

Совмещая в своём романе психологическую драму с политическим триллером, Прилепин рассказывает нам историю молодого журналиста, допущенного по заданию редакции в лабораторию, засекреченную правительством, в которой исследуются особо жестокие дети. Сложное расследование назначения лаборатории и ее связи со зверским убийством целого подъезда жителей российского городка приводит главного героя к мифу о нападении «недоростков» на город, истории появления в Африке жестоких малолетних солдат.

Талантливый литератор, можно сказать, спускается добровольно в свой персональный ад. Главным героем является женатый писатель и журналист, имеющий двух детей – мальчика и девочку, но морально довольно неустойчивый, именно поэтому много курит. Будучи близким к некоторым из представителей властных структур, журналист переживает внутренний кризис глубочайшего свойства. Не зная, как выйти из создавшейся ситуации и что, в принципе, можно в таком случае сделать, он наматывает бесцельно круги по окрестностям столицы, пытаясь разгадать феномен тех необычных детей, которых он увидел в засекреченной лаборатории. Разгадка – это всего лишь формальный повод бестолковых метаний по столице: все лежит гораздо глубже – в причинах психологического кризиса героя. Дети из лаборатории отвлекают его от личных духовных терзаний – есть в мире ещё что-то более существенное, чем собственные переживания. Итак, главный герой сталкивается с представителями совершенно нового биологического вида, который начисто лишен симпатии и сочувствия к подобным себе. Другими словами, это или потенциальные, или вполне состоявшиеся уже насильники и убийцы.

Миф и все увиденное в лаборатории граничит с сумасшествием, заставляя обратиться к врачу: «– А меня можно проверить? – в третий раз спросил я профессора. – Ты хочешь людей убивать? – Нет. Но я их ненавижу. – Убивать хочешь? – спросил он, издеваясь. – Нет. – Не отвлекай тогда меня» [6, с. 218].

Дети, у которых в ДНК отсутствует именно отвечающий за сострадание и жалость элемент, – основа мифологического сюжета в романе «Черная обезьяна». Тему детей-монстров автор делает центральной в книге.

Поддерживается она еще и дополнительно вставной новеллой о «недоростках», которые смогли уничтожить древний город.

Использование мифопоэтических образов детей-преступников, воплощающих зло, заставляет писателя либо вообще не давать портрета героя, либо давать его крайне скупо из-за отсутствия, а не наличия у детей каких-то черт. Малые люди из романа «Черная обезьяна» *не имеют* детских слез на своих лицах, а «кровавые мальчики», являющиеся главному герою в кошмарах, не имеют ни ресниц, ни бровей – это зримый показатель отсутствия внутреннего мира и пустоты духовной. Дети-преступники – это инертная масса без индивидуальности, потерявшая ангельскую природу, поэтому они толпа, а не индивидуальности, хотя сами они в этом не виноваты. Преступления детей – вина взрослых, поведение которых и является причиной агрессии, жестокости и злодеяний (безнравственных поступков) детей.

Недоростки имеют бедную речь с ругательствами и междометиями, иногда они вообще неспособны говорить: «Я ходил шесть лет из земли в землю, – сказал солдат, – и меня мучает только одно: я никогда *не слышал языка*, на котором говорят эти недоростки» [Там же, с. 142]; «...некоторые из них глухонемые, а те, что в голосе, – *разговаривают какой-то странной речью*, будто птичьей, только некоторые слова похожи на человеческие» [Там же, с. 15]. Эти дети не осознают своих преступлений и рассказывают со смехом и с шутками о них как о нормальных явлениях жизни. Маленькие персонажи способны убивать, сжигать, резать, насиловать – они просто кровожадны.

Черная обезьяна смотрит на человека из зеркала как отражение наших самых низменных желаний, о которых мы часто даже и не подозреваем. Возможно, они – результат деятельности той самой тайной лаборатории, в которой готовят детей-убийц.

Две вставленные в роман новеллы – основа мифопоэтики Прилепина и созданных на ее основе образов.

Один из мифов – осажденный город – это рассказ профессора, исследующего в лаборатории детей. Второй миф связан с первым и объясняет участие детей-убийц в африканских военных конфликтах. Мифы переплетаются с жестокой реальностью: дети пообещали учительнице сохранить ей жизнь, но заставляют съесть собственные волосы – и та давится и задыхается. Дети закапывают вниз головой в яму живого солдата, миротворца ООН и ждут, когда солдат умрет. «Он смешно и долго шевелил ногами. Мы так и не устали смеяться, пока он шевелил» [Там же, с. 39].

Картины детской жестокости, испытываемое детьми-убийцами счастье при виде чужих мучений – это признак духовной патологии, яркий пример того, как может низко пасть человек, превращаясь из венца творения в бездумного варвара.

Собаку, которая умела говорить «мама», мы видим и в легенде об осажденном городе – возможно, профессора вообще не было, а легенда просто выдумана героем? Ответить на этот вопрос автор позволяет самому читателю. Отгадки на придуманную загадку пока просто нет: то ли эти дети из лаборатории – наш грядущий апокалипсис, то ли это возмездие человечеству.

Вывод из романов «Черная обезьяна» и «Патологии» звучит как предостережение нам: сначала мы, взрослые, делаем убийц из детей, а затем созданный нами бумеранг насилия именно к нам и возвращается, убивая своих создателей. Человечество не должно пройти мимо того факта, что мир становится все более немилосердным к людям, а жестокость делается с каждым поколением все ярче выраженной. Не ведет ли развитие цивилизации к тому, что человечество само себя уничтожит – дети убьют своих родителей и не смогут обновиться из-за врожденного бездушия и ненависти, пока не сотрут с лица земли всех себе подобных?

Итак, в данной статье рассмотрена мифопоэтика произведений З. Прилепина на основе художественных особенностей его романов «Черная обезьяна» и «Патологии». Мифологические сюжеты и образы использованы в данных романах для более полного понимания духовного обнищания человечества, природы и сущности человеческой жестокости, причин деградации общества и факторов развития таких негативных явлений. Мифопоэтическое пространство в произведениях Прилепина используется в качестве основы для философской составляющей размышлений автора о присутствующей в настоящей жизни грязи и предполагаемом будущем человечества. Автор не берет на себя роль пророка, но заставляет нас не просто взглянуть в глаза жестокой реальности, но и проанализировать возможные последствия тех процессов, которые мы видим в настоящем.

Именно наличие в романах З. Прилепина «Черная обезьяна» и «Патологии» мифологической основы о детях-убийцах позволяет отнести к сюжетам этих произведений как к философским размышлениям о будущем всего человечества. Присутствие в мифе не взрослых преступников, а детей-убийц наталкивает читателя на размышления о том, кто же виноват в проявлениях детской жестокости. Вряд ли кто-то возвращается к мифологическому сюжету и пытается обвинить доктора в том, что он привил какие-то гены бедным детям. На основе данного мифа З. Прилепин заставляет нас пристальнее всмотреться в происходящее, чтобы мы поняли, кто этот страшный доктор. Это мы с Вами: общество, родители, которые забывают о своих детях, об их чувствах, а потом удивляются, откуда же столько жестокости и насилия в молодом поколении. Не стоит долго искать и размышлять над мифологической трактовкой: причина происходящего – мы сами, и до тех пор, пока мы спокойно смотрим на происходящее и не делаем ничего для воспитания духовности в пределах своей досягаемости, общество будет деградировать и неизбежно придет к плачевному финалу.

З. Прилепин использует мифологические сюжеты, чтобы сказать своим современникам о том, что каждый человек должен внести свой вклад доброты и чуткости в воспитание тех детей, которым уже привита вакцина жестокости.

Список литературы

1. Гусева Е. В. «Игры» со временем. Прием ретроспекции в раскрытии темы детства у Захара Прилепина // Сапоговские штудии 2013. Современное гуманитарное знание в России: сборник научных статей. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. С. 99-106.
2. Гусева Е. В. Портретные характеристики детей в романе З. Прилепина «Черная обезьяна» // Пушкинские чтения 2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. СПб.: ЛГУ им. Пушкина, 2013. С. 275-283.
3. Латынина А. «ДАЖЕ УЖ НЕ ЗНАЛИ, ЗА ЧТО ПОХВАЛИТЬ...»: к рассуждениям по поводу романа Захара Прилепина «Черная обезьяна» // Новый мир. 2011. № 10. С. 158-165.
4. Писатель Захар Прилепин: «Нация, разучившаяся читать, превращается в толпу» [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2013. № 43. URL: <http://www.aif.ru/society/education/1006975> (дата обращения: 01.03.2015).
5. Прилепин З. Патологии. М.: Ad Marginem, 2009. 360 с.
6. Прилепин З. Черная обезьяна. М.: АСТ, 2011. 342 с.

**MYTHOPOETICS OF Z. PRILEPIN'S WORKS
(BY THE EXAMPLE OF THE NOVELS "BLACK APE" AND "THE PATHOLOGIES")**

Kalinichenko Larisa Anatol'evna
Tyumen State University (Branch) in Ishim
rfkbybxyrj62@yandex.ru

In the article devoted to the mythopoetics of Z. Prilepin's works the artistic peculiarities of his novels "Black Ape" and "The Pathologies" in terms of the use of mythological plots and images in them are considered. The philosophical component of the author's reflections on the nature and essence of human cruelty, on the reasons of the society degradation at the spiritual level and on the factors that allow not only the existence of negative phenomena, but also their development with incredible speed is analyzed.

Key words and phrases: mythopoetics; myth; mythological plot; mythological image; mythological motive.

УДК 82:801.6

Филологические науки

В статье изучается городская топики на материале творчества К. Д. Бальмонта. Проблема городского текста включает в себя такие понятия как городской локус, городская топики. В последнее время исследователей привлекает «урбанистическая» поэзия Бальмонта, однако эта проблема рассматривается главным образом в историко-литературном ключе. В данной статье предпринимается попытка теоретического освещения вопроса, вводится понятие «городской топики», позволяющее иначе посмотреть на поэтику Бальмонта.

Ключевые слова и фразы: литература; поэтика; К. Д. Бальмонт; топики; город; миф.

Кевсер Тетик

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
kevserr_86@hotmail.com

ГОРОДСКАЯ ТОПИКА В ПОЭТИКЕ К. Д. БАЛЬМОНТА[©]

Одной из предпосылок возникновения городского топоса, помимо индустриализации и урбанизации, стало усиление критического отношения к городу, это отношение носило диалектический характер. С одной стороны, шаги цивилизации (которые, например, описывал В. Хлебников в статьях «О пользе изучения сказок», «Мы и дома» [14]) существенны для развития общества, с другой стороны, «железные руки шоссе» (С. А. Есенин) губят мир таинственный и древний. Итак, проблема соотношения двух типов локусов (городского и, условно, деревенского, здесь читай как архаического, бытийного) всегда интересовала художников слова, начиная с А. Н. Радищева, его «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) и заканчивая «Прощанием с Матерой» В. Распутина. Это серьезная не только историко-литературная проблема, но и теоретическая проблема. Во-первых, само понятие «городской текст» до сих пор в гуманитарной науке является дискуссионным и вовлекает в теоретический дискурс понятия «городской локус», «городской топос» и «городская топики». Некоторые исследователи включают локус в парадигму топоса [9, с. 32], считая первое более узким по отношению ко второму, видя за локусом конкретное место в пространстве. Однако существует и другая точка зрения на этот счет, которая, как нам кажется, ближе художественной практике эпохи модернизма. Эта точка зрения связана с понятием топики. Категорию топики разрабатывал в своих статьях А. М. Панченко, включая ее в национальное аксиологическое пространство [12, с. 237-246]. Таким образом, топики (городская в том числе) приобретала онтологический смысл, воспринималась как взаимодействие художественной и космической действительности.

Во-первых, в этой связи, нужно сказать, что город в культурологическом дискурсе мыслится как нечто сакральное. Об этом еще подробно писал М. Элиаде [16, с. 43-44]. Таким образом, городской топос и, думается,